

Вам за Вашу честность

До Великой Отечественной войны в деревне, где жили мои дедушка, бабушка и их трое детей, в том числе и моя мама, магазина не было. Керосиновая лавка и магазинчик находились в посёлке, от которого до деревни примерно десять километров.

Однажды в магазин завезли конфеты и детвора, взяв деньги у родителей, дружной стайкой пошла в посёлок. Среди них была моя мама, совсем ещё девчонка. Она купила целый кулёк дешёвых конфет, но по дороге все съела. Уже ближе к дому ей стало плохо, и, в общем, от конфет остались одни воспоминания. Всё дело в том, что она никогда раньше их не ела. Бабушка и сестра поругали её немного. «Девчонки, берегите деньги, - только и сказала моя бабулечка. – Не тратьте по пустякам».

Дедуля был участником Первой Мировой и инвалидом Гражданской войны. Он держал лошадей и собак, и души в них не чаял. А ещё были овцы, которых он не любил. Покормит, бывало, а они все блеют, словно некормленные.

В тот год картошка не уродилась. Денег не было. Бабушка открыла сундук и достала довольно большой свёрнутый кусок материи. «Кому нужна твоя тряпка? Кто купит? - спросил дед. – Ай!» - и махнул рукой. Но бабушка, прижав к груди свою реликвию, стала собираться в посёлок. Дороги размытые и разбитые, грязи много даже по обочинам. В калошах и то не пройти. Но вот и заветная керосиновая лавка! Протерев лопухом обувь и постучав в дверь, бабушка вошла в тёплое помещение. «Хозяина нет», - сказал Фимка, сын владельца «керосинки». Бабушка села на стул в углу, куда он ей указал. То и дело поправляя платок и волосы, она разглядывала товар на полках. Нескоро, но пришёл Абрам Моисеевич, хозяин. Поздоровавшись, он снял пальто и встал за прилавок. Немолодой седой еврей в чёрных нарукавниках посмотрел поверх очков на скромную женщину и спросил: «Ну-с, милая, какое у вас ко мне дело?». Бабушка моя, стесняясь и опустив глаза, положила свёрток на прилавок. Тихим голосом, запинаясь, произнесла: «Материал мой не новый, лежит уже давно. Хотелось бы

выручить за него немного денег. Не знаю, возьмёте ли вы его. У нас в семье трудно сейчас, трое детей...». «Знаю-с, знаю-с... Как здоровье вашего милейшего супруга Петра Фёдорыча?» - спросил он, разворачивая материю. - Говорите, не новый? И давно лежит он у вас? Сколько же хотите за него?». Абрам Моисеевич вытянул губы «трубочкой», причмокивая, погладил ладонью ткань, о чём-то размышляя. «Не новый, но цвет не полинял. Мне ни к чему. Прошу самую малость... Петр Фёдорович болеет сейчас. Поклон просил передать...» - лепетала женщина. «А Катерина, дочь ваша, как? Болезнь не проходит? Но... как же хороша, как красива! Люди говорят, словно не ваша?!» - рассуждал он, складывая ткань. Фимка вышел из-за шторы и забрал её. «Люди говорят, люди много чего говорят...» - продолжал пожилой еврей, и «р» словно каталось у него во рту. Пощёлкал на счётах, достал из ящика купюры, отсчитал и положил их на тарелку. У бабушки от удивления поднялись брови. «Вы мне много даёте! Ткань уже не новая и низкого качества. Должно быть, ошиблись?» - спросила она. «Вам за вашу честность я заплатил, как за новую!» - заявил хозяин лавки и попрощался с ней. Поклонилась и поблагодарила его моя бабулечка и, счастливая, с вырученными деньгами, пошла к дому.

Давно нет моих родных и той керосиновой лавки.

Недавно я платила за коммунальные услуги на почте и по ошибке подала лишнюю купюру. Почтальон, женщина средних лет, которая работает в отделении почты недавно, вернула мне мою купюру - тысячу рублей, значимую для меня, пенсионерки. Ей и другим честным людям я посвящаю этот рассказ.

Анна Филатьева,

Пенсионерка.